

Захаров Вячеслав Васильевич

ВЛИЯНИЕ ПОЭТИКИ ФОЛЬКЛОРА НА ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ОЛЕГА ПОСКРЕБЫШЕВА

В статье рассматриваются характерные аспекты влияния фольклорных жанров на творческие искания народного поэта Удмуртии Олега Поскребышева, творчество которого органично вписывается в контекст развития "тихой" лирики. Автор выявляет жанрово-стилевые тенденции в творчестве поэта в их соотнесенности с образцами фольклора, зафиксированными на территории республики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 82-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются характерные аспекты влияния фольклорных жанров на творческие искания народного поэта Удмуртии Олега Поскребышева, творчество которого органично вписывается в контекст развития «тихой» лирики. Автор выявляет жанрово-стилевые тенденции в творчестве поэта в их соотношении с образцами фольклора, зафиксированными на территории республики.

Ключевые слова и фразы: песня; частушка; пословица; жанрово-стилевые искания; художественная система.

Захаров Вячеслав Васильевич, к. филол. н., доцент

Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко

zakharov_vv@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЭТИКИ ФОЛЬКЛОРА НА ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ОЛЕГА ПОСКРЕБЫШЕВА®

Творчество Олега Поскребышева, известного русского поэта, опубликовавшего 27 книг поэзии, прозы, публицистики (в том числе 7 поэтических сборников, изданных в Москве), органично вписывается в контекст развития «тихой» лирики и в то же время имеет свои специфические черты.

Творческую индивидуальность Олега Поскребышева невозможно раскрыть без характеристики связи его поэзии с устным народным творчеством. Большинство исследователей, пишущих о творчестве поэта, указывают на органичность влияния на его поэзию фольклора. Так, В. Канашкин отмечает: «В своих стихах О. Поскребышев широко использует фольклорные мотивы, ритмы, образы. Он не только хорошо слышит народную речь, но и дает возможность ощутить ее красочность, многоцветность, все звуковые и смысловые оттенки» [4, с. 122]. З. Богомолова считает, что «любит поэт и частушечные, песенные ритмы, все настойчивее вводит в стихи разговорную интонацию» [1, с. 311]. С ней солидарен В. Дементьев, отмечающий, что поэт «владеет одним из важнейших талантов – даром импровизации, песенного сотворчества с фольклорной традицией» [3, с. 168]. Л. Быков как бы обобщает наблюдения критиков: «Мировосприятие современного поэта (О. Поскребышева – В. З.) по-родственному созвучно мировосприятию, полно и разнообразно выраженному устным народным творчеством» [2, с. 170].

Нельзя, однако, не заметить, что названные исследователи ограничились достаточно общими констатациями, не вдаваясь в конкретное рассмотрение проблемы влияния народной поэзии на творчество О. Поскребышева. Ведь у него, как у каждого самобытного художника, есть свои излюбленные, индивидуально-неповторимые подходы к миру устного народного творчества, дающие возможность выявить своеобразие его собственного поэтического мира и в связи с этим понять, какие именно стороны народной жизни и какие фольклорные жанры, отражающие их, в особенности привлекали поэта. Поэтому вполне закономерно сопоставление творческих исканий поэта с конкретными образцами произведений русского фольклора, бытующими или ранее бытовавшими на территории Удмуртии.

Основной пафос народного мироощущения и творчества – это жизнеутверждение, исторический оптимизм, отчетливо обозначенное созидательное начало. Взгляд Поскребышева как бы проходит сквозь фольклорную призму. Поэт использует различные фольклорные жанры, мотивы, образы, трансформируя их в соответствии с природой своего дарования.

Особое место заняла в творчестве О. Поскребышева песня. Достаточно посмотреть содержание сборников поэта, чтобы увидеть многочисленные «песенные» названия, заглавия, зачины? «Вечерняя песня женщины», «Летят утки», «Песнь о селькорке», «Песни о деревьях», «Песня ложечника», «Ой, купалася утка в озере...», «Песня ветра человеку», «Песни нового хлеба»... И хотя далеко не все стихотворения, обозначенные как песня, таковыми являются по существу, ориентация художника на песенный жанр, на стихию песенных интонаций, оборотов, образов не вызывает сомнений. Сама направленность, дух этих произведений определяют сложившимся внутренним настроением автора.

Студенческие фольклорные экспедиции, собиравшие материал в Кезском районе, на родине поэта, записали произведений устного народного творчества, в том числе и песен, их вариантов, больше, чем в других районах республики [9].

Песня вошла и в сознание, и в творчество О. Поскребышева. Жанрово-стилевые черты и сам образ песни в его соотношении с жизнью, судьбой, любовью, душой стали одной из органических основ его поэзии: «Без песни и счастье – как луг без цветов», «Снова песни в горле, как птенцы в гнезде», «Ах, славно, когда у двоих / Для жизни есть общая песня!».

Поэзия О. Поскребышева вбирает в себя немало традиционных песенных зачинов, мотивов и образов: «Ведь не зря про тех, кто всех милей / Пелость: горлинка, да ясный сокол. / Да лебедушка, да соловей».

Поэт использует элементы песенного фольклора в качестве содержательного и формообразующего материала для выражения переживаний и раздумий лирического героя, ориентируясь при этом прежде всего на «протяжные» и «долгие» песни, в большей степени соответствующие элегическому, раздумчивому состоянию души:

Выйду в зелен луг и спущусь в ложок,
Постою у размывы-рва.
Где вы, люб-травы, потоскуй-цветок,
Одолень- и разрыв-травы?

Вдруг напомнят мне посреди лугов
Имена этих трав о том,
Что и грусть-беда, что и свет-любовь
На земле живут испокон.

Здесь уже в зачине «Выйду в зелен луг...» слышится переключка с традициями песенного фольклора, для которого принципиально важен момент выхода человека на природу и соотнесение его душевного состояния с ее состоянием («Выйду я на быструю речку...» и др.). Эта связь проявляется и в особенностях композиции: сужение объекта восприятия – от общего к частному: сначала «зелен луг», затем «ложок», а далее рисунок еще более локализуется – изображается «люб-травы», «потоскуй-цветок»:

И ночью я, свой букет нарвав:
Этих сил не иссяк исток.
Ой вы, люб-цветок, потоскуй-травы,
Одолень- и разрыв-цветок [6, с. 21-22]!

Более отчетливо проявилось в творчестве поэта влияние «частой», «плясовой» песни с ее тоническим ударением (два сильных ударения в каждой строке). В фольклоре Удмуртии «наблюдается, казалось бы, парадоксальное явление. Песни, по времени создания и бытования самые поздние, разрушились и постепенно исчезают из репертуара исполнителей, а плясовые, игровые и хороводные песни живут полнокровной жизнью» [9, с. 126]. Эта закономерность проступает и в творчестве О. Поскребышева, содержащем довольно много стихотворений, несущих в своей основе плясовое, игровое начало:

Ах, ложки вы, ложки,
Летуны мои,
Как в шелковой роще
Щеглы-соловьи.
У ваших ли песен
Распев глуховат,
Но все-таки есть он,
Особенный лад [5, с. 281].

Поэту удается выразить «особенный лад» плясовой мелодии, ее акцентированный, четкий ритм, обеспечиваемый двумя сильными ударениями в каждой строке. Характерны для стихотворений-песен поэта обращения, сопровождаемые междометиями («Ах, ложки вы, ложки...», «Гей ты, сила, в делах удалая...», «Ой ты, парень, парень, парень»). Мажорное восприятие художником жизни во многом объясняет его обращение к традициям игровой, плясовой песни, отражающей жизнеутверждающее начало в национальном характере.

Ритмико-мелодическая структура стихов, синтаксические конструкции, лексические средства определяются влиянием народно-песенных фольклорных традиций:

...Потом бегут по бережку
С припевкою своей:
– Плыви, плыви, Кипреюшко!
Не утони, Кипрей [Там же, с. 422]!

В стихотворении «Кипрей» воссоздается обряд гадания о суженом. Здесь характерное для фольклора обращение «Кипреюшко! Кипрей!», напоминающее другое – «Дунаюшко-Дунай» (кстати, эта песня под названием «Вдоль из улицы в конец» зафиксирована в фольклоре Удмуртии) [8, с. 129].

Стихотворения-песни О. Поскребышева, включая в себя частушечно-песенные обороты, как правило, включают и поясняющий обстоятельства авторский комментарий: «Золотая, золотая! – над рекою голос пел. – Чем скажи я залатаю / В сердце раненом прострел?».

Завершая разговор о влиянии песенного жанра на творчество поэта, следует подчеркнуть, что это влияние как бы окрыляет многие стихи, придает им напевность, создает атмосферу узнавания отдельных образов и мотивов. Песенные произведения поэта не имеют точных аналогий в устной народной поэзии. О. Поскребышев синтезирует различные источники и «пропускает» их через свое мировосприятие. В его «песнях» больше конкретики, обстоятельств, нежели в народных произведениях. Они – как бы посредники между душой поэта и народным творческим духом.

Наряду с песнями существенное влияние на развитие художественной системы О. Поскребышева оказала частушка – один из самых жизнелюбивых жанров устного народного творчества. Примечательно следующее свидетельство исследователей русского фольклора Удмуртии: «...частушки в основном исполняют люди среднего и молодого возраста. <... > По словам жительницы поселка Кузьма Кезского района Родиновой Л.П. (21 год), “кузьминские парни и девчата и сейчас еще состязаются в «подковырках» между собой...”» [9, с. 127]. Следует заметить, что О. Поскребышев сам, будучи гармонистом, не только сопровождал исполнение частушек, но и непосредственно принимал участие в их составлении.

Жанр частушки соединил в себе и песенные образы и мотивы, и озорные ритмы плясовых мелодий, и лаконизм и выразительность пословиц. Он оказался близким творческому мышлению О. Поскребышева с его жизнеутверждающей направленностью, тяготением к разговорно-мелодическому строю поэтической речи, к акцентированному интонационно-ритмическому рисунку стиха.

В стихотворении «Как устану, пригорюнюсь...» поэт мастеровито, со знанием дела воссоздает характернейшую форму любовной частушки:

Я страдаю – не рыдаю,
Я иду – не упаду.
Словно в речке, дорога,
Брод к твоей душе найду [7, с. 22].

Здесь и типичный «страдательный» сюжет, и творческое использование внутренней рифмы, характерной для частушечных куплетов. Заметим, что глагольные рифмы более устойчиво сохраняются именно в частушках. В профессиональных произведениях крайне редко встречаются рифмы типа *иду – упаду – найду*, да и в творчестве О. Поскребышева непросто найти похожие примеры. Здесь же поэт увлечен частушечной стихией, столь знакомой и близкой ему. В четверостишии проявляется и присущая частушке ритмическая структура строки с двумя сильными ударениями. Главное же, художнику удалось в четыре строки «уложить» целую гамму чувств и переживаний! В двух первых строках запечатлен характер – твердый, упрямый, целенаправленный, умеющий хранить в себе печали и тревоги; во второй части звучит обращение к «дорогой», чья душа сравнивается с речкой, в которой парень стремится найти «брод». Целое драматическое действие, «сюжет для небольшого рассказа» скрыт в зерне этого замечательно сделанного четверостишия.

Но, пожалуй, особенно пристрастен О. Поскребышев к созданию «подковырок» в вопросно-ответной форме, позволяющей через реплики выявлять особенности характеров, настроений:

- Ты всерьез ли, парень, любишь?
- Рад бы в шутку – не шучу!
- По себе ли иву рубишь?
- Ну-ка встань плечом к плечу [Там же, с. 22-23]!

Диалог естественно вписывается в частушечные «очертания». Именно диалогическая, вопросно-ответная форма привлекает художника, стремящегося к выражению в творчестве полифонизма разговорных интонаций. В опубликованных записях частушек, бытующих на территории Удмуртии, встречаются образцы подобных частушек:

- Ты куда, милый, поехал?
- Дорогая, на воду!
- Дорогой, возьми с собою.
- Дорогая, не могу [8, с. 330].

О. Поскребышев чаще обращается именно к вопросно-ответной «подковырке», которой перебрасываются между собой парни и девушки. При этом, в отличие от народных частушек, в которых «состязательный» диалог, как правило, заключен в пределах одного четверостишия и идет между парнем и девушкой, художник, развивая частушечные традиции, создает целые стихотворения в форме «хоровых» полилогов.

Органично обращение к поэтике частушки в произведениях, изображающих народные праздники. Так, в стихотворении «Проводы зимы» именно построение стиха, ритмически и интонационно близкое к частушке, способствует выразительной передаче задорного веселья, размашистости и удалой силы характеров. Энергично звучит речитатив, как бы приглашая в круг пляшущих:

- Эй, гармонщик белолицый,
Поживей руками робь:
Бить я дробы мастерица,
Да по снегу что за дробь [5, с. 233]!

Приведем для сравнения близкие по мотиву народные частушки, зафиксированные в русском фольклоре Удмуртии:

Ты играй, гармонист,
Чтобы кудри вились.
Я тебе моргану
Незаметно никому [8, с. 292].
Разрешите поплясать,
Разрешите топнуть,
Неужели в вашем доме
Половицы лопнут [Там же].

Нетрудно установить близость частушечных вариаций поэта к произведениям народного искусства: это и обращение к гармонисту, и междометия «эй», «эх», и общий эмоциональный настрой.

Глубокое знание пословиц, поговорок, частушек способствовало развитию у поэта афористического мышления, формированию сжатого, пословично-выразительного стиля. И, наконец, пословицы как философский

жанр стимулировали образование в его творчестве лирической миниатюры, как правило, завершающейся афоризмом-обобщением: «Не посылай, судьба, нам счастья столько, чтоб разучиться понимать других».

В основе поэтического стиля О. Поскребышева лежит постоянное тяготение к самородному народному слову, органично живущему в строе разговорных интонаций, в памяти художника.

Опираясь на фольклор, создает художник и свои выразительные образно-эмоциональные повторы: *лепетун-родник, брага-томленка, ненависть-старуха, резун-осока...* В основе этих двойных словесных обозначений видятся скрытые сравнения, уточняющие слова, помогающие более полному раскрытию узлового в «связке» слова. Например: *лепетун-родник* – и сразу представляешь неумолчно пульсирующую речь родника.

В контексте изучения влияния фольклора на творчество О. Поскребышева проявляется следующая закономерность. Если в первом сборнике «Мое поколение» почти не ощущается воздействия народно-поэтических традиций и подавляющее большинство стихотворений как в образном, так и в интонационно-ритмическом отношении маловыразительны, то в последующих сборниках «Росинка», «Где гнездятся ласточки», «Застолица», «Вдали от больших городов», «Страда», «Песня колосьев», «Матица», «Отчий дом», «Посох», «Я вам пригужусь» и других деревня определяется как главный объект художественного осмысления, активней и плодотворней становятся связи с миром народного искусства, заметно усиливается в творчестве разговорно-мелодическое, песенно-частушечное начало. Наиболее продуктивно его поэзия взаимодействует с жанрово-стилевыми тенденциями песни, частушки, пословицы, образующими идейно-эстетическое ядро художественной системы.

Список литературы

1. Богомолова З. А. Песня над Чеппой и Камой. М.: Современник, 1981. 352 с.
2. Быков Л. Уроки времени: Критические тетради. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. 192 с.
3. Дементьев В. Ликую и томлюсь бессрочно... // Урал. 1982. № 12. С. 168-172.
4. Канашкин В. К самой главной высоте // Наш современник. 1972. № 2. С. 122-123.
5. Поскребышев О. А. Жизнью все было: Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1981. 576 с.
6. Поскребышев О. А. Когда вникаешь в мир огромный: кн. стихотворений и поэм. М.: Современник, 1983. 190 с.
7. Поскребышев О. А. Страда: стихи, поэма. Ижевск: Удмуртия, 1973. 106 с.
8. Русский фольклор Удмуртии / сост. А. Г. Татаринцев. Ижевск: Удмуртия, 1990. 368 с.
9. Татаринцев А. Г., Крапивина Т. А. Фольклор поселка Кузьма Кезского района Удмуртской АССР // Проблемы изучения русского народного творчества. М., 1979. Вып. 6. С. 118-129.

INFLUENCE OF FOLKLORE POETICS ON THE ARTISTIC EXPLORATIONS BY OLEG POSKREBYSHEV

Zakharov Vyacheslav Vasil'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko
zakharov_yv@mail.ru

The article examines the typical aspects of the folklore genre influence on the artistic explorations of the national poet of Udmurtia Oleg Poskrebyshchev whose creative work fits well into the context of “quiet poetry” development. The author reveals genre and style tendencies in the poet’s creative work in their correlation with the examples of folklore registered on the territory of the republic.

Key words and phrases: song; chastushka; proverb; genre and style explorations; artistic system.

УДК 811.112.2

Филологические науки

В рамках аргументно-функционального подхода автор рассматривает возможности реализации аргументов и тематических ролей глагола в немецких пейоративных глагольно-фразальных субстантивах на Ge-...-e и -er(ei). Реализация аргументов может быть внутрисловной, реже внешней и латентной, а также факультативной и облигаторной. Чем больше аргументов реализуется во внутренней структуре пейоративных глагольно-фразальных дериватов, тем большей эмоциональностью и информационной плотностью они характеризуются.

Ключевые слова и фразы: аргумент; тематические роли; валентная рамка глагола; пейоративное словообразование; глагольно-фразальный дериват; суффикс; циркумфикс.

Искандарова Гульнара Рифовна, д. филол. н., доцент
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
ischtuganowa@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТОВ В СТРУКТУРЕ ПЕЙОРАТИВНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ФРАЗАЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)[©]

Чат, форумы, электронная переписка и другие формы интернет-коммуникации часто используются для того, чтобы выразить личные ощущения, чувства, переживания и обменяться ими с собеседниками. Для производства